

© СС © А. П. Орлова, 2020
УДК 616-036.22.93/94
DOI: 10.24884/1607-4181-2020-27-3-16-22

А. П. Орлова*

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет имени академика И. П. Павлова» Министерства здравоохранения Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ БОРЬБЫ С ЭПИДЕМИЯМИ В 1915–1916 гг. (по материалам Царскосельского уезда)

Поступила в редакцию 16.03.2020 г.; принята к печати 06.11.2020 г.

Резюме

Рапорты полиции и ведомости санитарно-исполнительной комиссии о заболеваемости жителей Царскосельского уезда являются малоизученными документами 1915–1917 гг. и позволяют провести компаративное исследование как самих источников, так и динамики заболеваемости, особенностей организации медицинской помощи и взаимодействия властей, медиков и населения.

Ключевые слова: тиф, оспа, холера, санитарная комиссия, военнопленные

Для цитирования: Орлова А. П. Некоторые аспекты борьбы с эпидемиями в 1915–1916 гг. (по материалам Царскосельского уезда). *Ученые записки СПбГМУ им. акад. И. П. Павлова*. 2020;27(3):16–22. DOI: 10.24884/1607-4181-2020-27-3-16-22.

* **Автор для связи:** Анна Петровна Орлова, ФГБОУ ВО ПСПбГМУ им. И. П. Павлова Минздрава России, 197022, Россия, Санкт-Петербург, ул. Льва Толстого, д. 6-8. E-mail: vorobieva2001@list.ru.

Anna P. Orlova*

Pavlov University, Saint Petersburg, Russia

FEW ASPECTS OF EPIDEMICS CONTROL IN 1915–1916 (on resources of Tsarskoselskiy uyezd)

Received 16.03.2020; accepted 06.11.2020

Police reports and papers of the sanitary-executive commission about deceases of people of Tsarskoselskiy uyezd are understudied documents of 1915–1917, representative for comparative study of the resources and epidemic dynamics, special characteristics of healthcare system and interaction of administration, doctors and population.

Keywords: typhus, smallpox, sanitary commission, prisoners of war

For citation: Orlova A. P. Few aspects of epidemics control in 1915–1916 (on resources of Tsarskoselskiy uyezd). *The Scientific Notes of Pavlov University*. 2020;27(3):16–22. (In Russ.). DOI: 10.24884/1607-4181-2020-27-3-16-22.

* **Corresponding author:** Anna P. Orlova, Pavlov University, 6-8, L'va Tolstogo str., Saint Petersburg, 197022, Russia. E-mail: vorobieva2001@list.ru.

Истоки эпидемии, вспыхнувшей в Петроградской губернии во время Первой мировой войны, были просты: бесконтрольная миграция увеличила заболеваемость местных жителей и военнопленных, беженцев. Рассмотрим проблемы борьбы с эпидемиями в 1915–1916 гг. на примере материалов городской санитарной комиссии Петрограда, врачей и полицейских рапортов Царскосельского

уезда. В феврале 1915 г. принц А. П. Ольденбургский как верховный начальник санитарной и эвакуационной части направил во все медицинские, полицейские и военные учреждения циркуляр (№ 360) о передаче сведений о заболеваниях только через губернаторов, градоначальников, начальников областей. Земским врачам, заведующим больницами, полиции подача отчетности в его Управление была

запрещена. Принц Ольденбургский потребовал все отчеты отправлять ему телеграммами с заголовком «Петроград. Ольден. Врачебная». Ведомости с данными о численности заболевших (брюшной, возвратный, сыпной тифы, холера, оспа, рожа, скарлатина, корь, дифтерит, дизентерия, чума) были суммированы по динамике [1, л. 2].

15 июля 1915 г. Петроградская губерния была объявлена угрожаемой по холере, но секретно — без опубликования о том «во всеобщее сведение». Первые данные о холере (впервые после трех лет холерной эпидемии в 1908 — 1910 гг.) были отмечены медиками Псковской губернии в январе 1915 г. Заболевшие изолировались от других пациентов, и для постановки точного диагноза проводились микроскопические исследования. Случаи сыпного тифа были выявлены в январе и марте — апреле 1915 г. в Тихвинском уезде [2]. Однако все меры было предписано проводить «секретно во избежание проникновения в население нежелательных слухов» [3, л. 6].

По приказу командующего Петроградским военным округом (№ 91 от 13.10.1914 г.) за ситуацию в Царском Селе ответственным стал начальник Царскосельского эвакуационного пункта по делам эвакуации и санитарного благосостояния в Царском Селе и Павловске. Дворцовый госпиталь Царского Села посещала царская семья, что ставило открытие холерного барака под большой вопрос. Компромисс был достигнут открытием барака на 45 мест для лечения больных из гарнизона и местных жителей. По решению инспектора придворной медицинской части д. ст. сов. Н. А. Андреева-Твердова наблюдение за баракком было поручено старшему врачу дворцового госпиталя М. Н. Шрейдеру. Врачебные участки уезда включали в себя Царскосельский (50 000 человек), Рождественский (17 000 человек), Гатчинский (21 298 человек), Пулковский (15 000 человек), Сосницкий (3000 человек), Красносельский (2000 человек), Тосно-Лисинский (18 600 человек). В границах участков действовало более 80 военных лазаретов и Царскосельский дворцовый госпиталь (на 150 кроватей), Гатчинский дворцовый госпиталь (140 кроватей), Павловский придворный госпиталь (40 кроватей), Красносельский (28 кроватей), земский барак (25 кроватей), Царскосельская земская больница (18 кроватей), Сиверская, Тосненская больницы на 12 и 10 кроватей, Колпинский приемный покой (шесть кроватей), холерный и оспенный бараки — по 25 кроватей [4, с. 66 — 67]. Гатчинский лазарет состоял из 30 кроватей, родильный приют Дрожжиной — из 25, временные бараки для больных холерой в Стрельне и Рождествено. Фельдшер принимал жителей в Сосницах, Заполье, Саблино, Погах, Неникюли, Каменке, Скворицах, Ижоре, Антропшино, Вырице, Ящере и Орлино [5, л. 43 — 53].

Одновременно при перегруженности дворцовых и земских больниц уезда был ограничен взаи-

мозачет коек, так как барак был приспособлен только под две формы заболеваний. По предложению доктора Г. А. Карпова, холерных больных должны были принимать и больницы Московской Славянки и Павловска II.

По опыту борьбы с холерой в 1908 — 1910 гг., в 1915 г. доктор К. А. Янкович выработал постановления для жителей. Меры обсуждались в сентябре — октябре 1915 г. санитарной комиссией, в состав которой входили начальник Царскосельского дворцового управления генерал-майор кн. М. Путьятин, бургомистр И. К. Харченко, председатель уездной земской управы Б. П. Карнеев, помощник главного врача Царскосельского военного госпиталя ст. сов. М. А. Гржибовский, земский санитарный врач колл. сов. Г. А. Карпов, заведующий земской Павловской лечебницей доктор В. М. Шеломов, ветеринарный врач городской скотобойни И. Ф. Топчиев, санитарный попечитель ст. сов. Г. К. Персиянинов. Объявление о противоэпидемических мерах было опубликовано 23 октября 1915 г. Они включали в себя осмотр всех помещений, где находился заболевший, возможность закрытия санитарным врачом торгового заведения, гостиницы. Дезинфекции подвергались канализация, ямы, ассенизационный обоз. Для экстренной связи можно было воспользоваться телефонами пожарной сигнализации для вызова извозчиков (которые и ночью дежурили у полицейского участка). Особые нарекания при обсуждении мер среди членов комиссии вызвали пункты запрета продажи «в разнос» студня, кваса, мороженого, овощей и фруктов. Компромисс был достигнут на договоренности о приготовлении на продажу напитков на кипяченой воде и прикрывании припасов кисеей. Доктор Янкович настаивал на гласности сведений о случаях заболеваний. Семья больного обязательно изолировалась в карантинном доме или в квартире. Вопрос обмена и продажи вещей, одежды большей частью членов комиссии был проигнорирован, так как, по их утверждению, в уезде «нет промысла», что не соответствовало действительности. Доктор Янкович предлагал уничтожение или дезинфекцию вещей заболевшего.

2 августа 1915 г. был зарегистрирован 51 человек с холерой, из которых 45 — в Колпино, где насчитывалось до 6000 рабочих (без учета их семей) [3, л. 8].

При обсуждении мер был привлечен отчет о борьбе с эпидемией 1908 — 1910 гг. По сведениям докторов Карпова и Янковича, выясняется, что в 1909 г. в Царском Селе было 318 случаев холеры, из которых на Колпино пришлось 194 случая (93 человека скончались), во Введенском — 22, Пулково — 18, М. Славянке — 14 человек; 51 % всех заболевших острозаразными заболеваниями были изолированы в больницы. Остальные лечились на дому и становились источником дальнейшего распространения заболевания.

Уже в 1912 г. был отмечен бурный рост дачных пригородов и бедности местных жителей вокруг Царского Села. Из замечаний М. С. Оницканского и И. А. Барабошина резкие отзывы отражают, что Царское Село будет окружено «клоачным кольцом», так как все нечистоты сливались в канавы. Посуду для молока полоскали «во вместилищах, в которых до того стирали детское белье». Основываясь на данных отзывах и отчете 1910 г., был сделан вывод о необходимости больницы: «Отсутствие в уезде заразных барачных делает борьбу с заразными заболеваниями почти невозможной» [3, л. 21об.]

В результате споров о неисполнении правил, плотной застройке была введена особая санитарная зона вокруг Царского Села. 9 декабря 1915 г. экстренно сообщалось о случае брюшного тифа в Красном Селе [1, л. 24]. С начала декабря «всем выписывавшимся из госпиталей полагалось делать противотифозные прививки». В 1916 г. утверждены «Правила санитарной службы изоляционно-пропускных пунктов на железных дорогах» и «Правила для предупреждения разноса заразных заболеваний воинскими командами различных назначений и партиями беженцев, переселенцев, рабочих и военнослужащих» [4, с. 90].

В связи с увеличением заболеваемости санитарным врачом Петроградского губернского земства и ответственным за Царкосельский уезд был назначен доктор Н. Н. Рубель. Следуя его отчету, «Жители, особенно финское население, не желают делать детям прививки детрита и нередко скрывают больных (в сарае). Пасторы не сообщают (властям и врачам) о похоронах умерших от оспы» [3]. При этом губернатор барон Н. Н. Медем приказал православному и лютеранскому духовенству составлять списки родившихся в учреждения оспопрививания два раза в год: к 1 января и 1 июля. Из-за значительного притока беженцев оспа распространилась на Гдовский и Лужский уезды. Отмечены несколько случаев чумы и эпидемии брюшного тифа в 1915 г. в Ямбурге среди войск.

Под санитарный контроль были взяты бумажные фабрики Печаткина в Красном Селе и около Павловска, загрязнявшие воду Дудергофского озера и р. Ижоры. Старший врач Округа путей сообщения доктор Г. С. Кулеша проверил чистоту воды и отчитался, что в 1 см³ воды из Таицких ключей найдено 10–15 бактерий, в воде из водопровода у прудов Царского Села — уже 3000 [3, л. 62].

С началом Первой мировой войны на территории Царкосельского уезда начинают размещать военнопленных австрийской и германской армии («австрийцев»). Царкосельский уезд оказался одновременно местом и поймки дезертиров русской армии, и расселения бежавших с прифронтовых территорий местных жителей.

Тем временем в России быстро развивалось шоссе и железнодорожное дело. На выполнение тяжелых работ по прокладке железных дорог

и шоссе, рубку дров постоянно не хватало рабочих рук. Циркулярное письмо Дорожного отдела Главного Управления по делам местного хозяйства МВД 13 октября 1914 г. № 51-10447 за подписью В. Рагозина поясняет возможность направления военнопленных на бесплатные работы в соответствии с «Положением о военнопленных» от 7 октября 1914 г.: военнопленных (за исключением офицеров) было разрешено привлекать на казенные и общественные работы бесплатно и обеспечивать их провиантом и медицинской помощью на общих с русскими военными основаниях в гражданских и военных лечебных учреждениях [6, с. 6–9].

Военнопленные из сборных пунктов под контролем офицеров размещались в различных губерниях в зависимости от запроса губернаторов и ведомств. В документах 1915–1916 (1918) гг. по Царкосельскому уезду отражено, как военнопленные исполняли тяжелые работы по заготовке леса в Кастенском и Лисинском лесничестве, прокладывали железную дорогу [8]. Из различных материалов можно выделить межведомственную переписку и рапорты становых приставов царкосельскому уездному исправнику. Особенностью данных является точное (среди материалов приведены поименные списки с указанием возраста) фиксирование численности вновь прибывших партий военнопленных и распределение последних по работам. Вместе с тем сведений о смертности людей нет.

При размещении в Царкосельском уезде первых пленных в ноябре 1915 г. 600 человек были отправлены на строительство железной дороги. Работы в казенном и Изварском лесничествах начали выполнять 900 человек, 300 из которых были размещены в бараках, а остальные расселены по деревням Сосницкой волости. По рапорту исправника губернатору 20 ноября 1915 г., прибыли еще 200 австрийцев на заготовку дров, ожидалось еще 2000 человек, которых поместили в дер. Поги. Следующая группа в 350 человек прибыла 29 ноября на станцию Лисино и была направлена в Котелино, где расселили еще 700 человек. Все военнопленные, по документам, находились «на всем содержании Петроградской управы» [8, л. 4]. За военнопленными не установили никакого надзора и конвоя, а полиция спохватилась после побега 50 человек. На ветке «Волосово — Извара» трудились «293 военнопленных австрийских подданных, из числа которых поляков — 34, русин — 77, чехов — 23, хорватов — 97, словаков — 19, румын — 43 человека» [8, л. 19–19об.].

К маю 1916 г. остро встал вопрос об охране местного населения и военнопленных, которые работают на ветках железной дороги Волосово-Мшинская от других — «от пленных, работающих в местных лесничествах, где развивается эпидемия сыпного тифа» [8, л. 45об.]. Причиной обращения губернатора к Царкосельскому исправнику стало

ходатайство Главной Санитарно-исполнительной комиссии при Управлении Северо-Западной железной дороги. На три повторные телефонограммы Петроградского губернатора полиция уезда сумела ответить только о 3600 трудившихся военнопленных. Документы говорят о выяснении администрацией мест захоронений пленных в сентябре 1916 г.: «Умершие военнопленные австрийцы на Петроградских кладбищах похоронены не были, а похоронены по месту нахождения в Изварском лесничестве на кладбищах при селе Грызове и Верестском лесничестве на специально отведенном кладбище № 5745» [8, л. 102]. Решение вопроса о захоронении скончавшихся от тифа и холеры (особенно военнопленных) разные источники отразили неоднозначно — от полной неизвестности губернатору и чинам полиции и позднего выявления захоронений до точной отчетности уже при затухании эпидемии.

29 января 1916 г. было проведено экстренное совещание Петроградской санитарной комиссии под руководством профессора А. А. Владимировича о борьбе с острозаразными заболеваниями в Царском Селе и окрестностях.

За первые два месяца в дворцовый госпиталь Царского Села поступили 10 человек с натуральной оспой и вариолоидом. Оспа охватила все возрастные группы и быстро распространялась среди беженцев в Луге, Новолодожском и Петергофском уездах. Ежедневные сводки о заболевших в Царскосельском уезде насчитывали от 28 до 59 человек. Сыпной тиф стал развиваться среди нижних чинов запасного тяжелого артиллерийского дивизиона и местных жителей. Из отмеченных в медицинских справках К. Янковича тифозных больных вызывает внимание крестьянка Елизавета Владимировича. В свои 30 лет она работала судомойкой и сиделкой в лазарете № 15 в доме женской гимназии и с середины января стала замечать непонятную сыпь на коже. Гимназия была закрыта на дезинфекцию и карантин. Только к маю 1916 г. у Елизаветы Владимировича медики определили по реакции крови по Видалю (1:100) брюшной тиф, осложненный сыпным [9, л. 21, 91].

4 февраля 1916 г. принцу Ольденбургскому и приставам Царскосельского уезда была направлена телеграмма губернатора о сыпном тифе у пленных в дер. Поги и командировке туда губернского врачебного инспектора. Первый случай тифа в Царском Селе был установлен полицией через медиков 12 февраля. После переписки исправника уезда Полонского и взыскания с пристава Тосно было выяснено, что 13 военнопленных с сыпным тифом были направлены в заразные бараки.

За январь — февраль 1916 г. в Царском Селе, по рапортам полиции, было определено только два случая сыпного тифа среди жителей, но оба — слишком поздно. Первый — у мещанки Александры Фёдоровой, которая ходила шить к разным

жителям Царского Села (ее семья с тремя детьми была изолирована на карантин), второй — у мещанина Павла Каретникова, приписанного в г. Валдае и проживавшего в пос. Самопомощь. После неудачной попытки лечения П. Каретникова в Боткинских бараках по расследованию установили, что он заболел 13 января. Дома его ждали жена и трое детей: все подростки ходили в местную школу, занятия в которой пришлось приостановить. Начиная с конца февраля — начала марта 1916 г., медицинская и полицейская отчетность за 1916 г. приобрела систематичность и упорядоченность. О вспышках и новых заболеваниях полиция направляла экстренные телеграммы и еженедельные рапорты по одному-четырем станам уезда. Зачастую сведения о заболевших в полицейских первичных рапортах и ведомостях г. Колпино более полные и перепроверенные, по сравнению с итоговыми ведомостями по всем заболеваниям в уезде. Как итоги по Колпино они подготавливались два раза в месяц. Однако наибольшее число первичных рапортов и ведомостей было подано чинами местной полиции Царскосельского уезда.

При сопоставлении полицейских рапортов с медицинскими справками дворцового госпиталя, отправленных управителю Царского Села, выясняется, что за январь — февраль в госпиталь поступили семь человек с разными тифами, проявившимися уже на первой неделе января [9, л. 3 — 46]. По рапорту санитарного врача К. А. Янковича уже с 1 февраля 1916 г. в «детской санатории» по Павловскому шоссе 14 детей заболели скарлатиной, осложненной корью и краснухой. Вместе с тем с расквартированием в Царском Селе военных в феврале — марте 1916 г. в медицинских справках о госпитализации записаны два случая сапа у канониров запасной тяжелой артиллерийской дивизии, один — со смертельным исходом.

На март — апрель пришелся пик эпидемии тифов. К 4 марта 100 человек были отправлены с разными заболеваниями (оспа, возвратный тиф, дифтерия) в Гатчинскую больницу. Оказалось, что военнопленные прибывали на работы уже заболевшими: «Партия военнопленных направлена из Лисино не как больные, а как слабосильные» [1, л. 45]. В ходе выяснения ответственности за распространение заболеваемости в рапорте было отмечено: «Почему заведующая медицинской частью военнопленных врач Фокшанская о заболевших сыпным тифом умолчала, неизвестно» [1, л. 45об.]. По рапорту 6 марта № 1045 командира 31-й Смоленской дружины, охранявшей военнопленных, были направлены 8 марта письма и рапорты Царскосельского коменданта кн. Путятину и полиции Царского Села: «На Лисинской казенной даче среди военнопленных распространена эпидемия тифа... при больнице нет ни дежурного врача, ни фельдшера, а посещает только наездами дежурный земский врач и земский фельдшер» [9, л. 56 — 57]. Больницы Верестского и

Изварского лесничеств приняли 407 заболевших военнопленных и беженцев, еще 45 лечились в железнодорожной больнице Верести. К 15 марта 221 человек выздоровели. У заболевших стал преобладать уже не сыпной, а возвратный тиф.

Во время борьбы с острозаразными заболеваниями страдали и сами медики. 21 марта с сыпным тифом был изолирован в бараке Извары фельдшер Верховский, до этого лечивший военнопленных и беженцев в больнице Верести. За апрель 1916 г. в число заболевших сыпным тифом попали еще восемь медиков железнодорожной больницы в Верести и в Изварском лесничестве.

Следуя данным о заразных заболеваниях в ведомости по Царскосельскому уезду (среди гражданских), в марте 1916 г. можно выделить локальные «очаги» различных заболеваний. Так, в ведомости в табличной форме собраны сведения о натуральной оспе (М. Гатчино, Мариенбург, Сокколово, Лаголово, Шуколово, Суза, Мюреля, Гуммолосари, Константиновка, Ст. Скворицы), скарлатине (Скворицы, М. Загвоздка, пос. Ключевое, Н. Деревня, Коломенское). Зачастую в соседних поселениях одной волости заболевания «сопутствовали» друг другу (отмечено более 25 случаев кори в сочетании с оспой, дифтеритом, скарлатиной или тифами). Случаи тифа фиксировались в ближайших к лесничествам и железной дороге поселениях Сосницкой и Рождественской волости. В 66 селениях в конце апреля было зафиксировано 104, в июне — 137 человек с оспой. На одном из рапортов карандашом записано распоряжение о срочном донесении о каждом случае оспы в Царском Селе начальнику Особого эвакуационного пункта, земскому врачу и доктору Петергофского уезда Рыбальченко, санитарному врачу Г. А. Карпову. Интересно, что в газете «Царскосельское дело» печатались сводки о заболевших в Царском Селе, насчитывавшие по одному-три человека. К 26 апреля 1916 г. начало эпидемии холеры и брюшного тифа стало очевидно в уездах Петроградской губернии. Царскосельская санитарная комиссия получила копию программы, составленной врачом-инспектором В. И. Орнатским, от губернской санитарно-исполнительной комиссии о борьбе против холеры, дизентерии и брюшного тифа. Наиболее опасными в эпидемическом плане из-за скопления военнопленных, войск и беженцев были названы Гдовский, Шлиссельбургский, Новолодожский и Царскосельский уезды. 27 мая 1916 г. состоялось заседание комиссии о санитарном положении военнопленных на участке «Волосово — Мшинская». Председателем был начальник Царскосельского особого эвакуационного пункта лейб-гвардии полковник С. Н. Вильчковский. В Поги и Пери были открыты специальные бараки, на места высланы дезинфекционные отряды. Однако местный фельдшер Алферов отмечал, что все устроено крайне примитивно.

Следуя рапортам исправников за март, среди заболевших военнопленных и местных жителей было диагностировано с сыпным тифом до 407 человек, возвратным — 297, брюшным — восемь человек. По ведомости о заболевших оспой с 30 марта по 15 апреля 1916 г. можно сделать подсчеты, что за две недели медиками была выявлена вспышка заболеваемости [1, л. 98–101]. По данным главного врача Красносельского военного госпиталя, к 1 мая под его наблюдением находились 11 человек с брюшным, 17 человек с возвратным тифом и 14 человек с рожей. В Колпино в первой половине апреля 1916 г. медики зафиксировали вспышку оспы и кори. Большая часть заболевших проживали по соседству на Троицкой, Новгородской и Тихвинской улицах.

Вопросы борьбы с распространением инфекционных заболеваний были сопряжены с такими условиями, как статус пациента и его семьи, отдаленность населенного пункта от городов уезда или приемных покоев и общественная оценка действий медиков. Многие дворяне, горожане, купцы оставались сами и оставляли детей на лечение на дому, что способствовало распространению заболевания на ближайших улицах и в домах. Двойственность отношения к статусу пациента и со стороны медиков вместе с нерешенностью до конца вопроса дезинфекции и использования вещей пациента были усилены и проблемой установления карантина, размещения родственников и близких заболевших в карантинный дом и их вакцинации. Заболеваемость постепенно стала охватывать все слои населения уезда, при этом наибольшее число заболевших все-таки было среди военнопленных на работах в лесничествах в Изваре и Верести: 15 апреля с возвратным тифом во втором стане уезда было 150 человек и 96 человек — с сыпным тифом. К концу месяца уменьшился только сыпной тиф в бараке Верести (87 человек). На 1 мая в железнодорожной больнице в Верести и в бараке Извары число больных с сыпным тифом достигло 94 человек, с возвратным — 115 [1, л. 122–129]. Благодаря принятым медиками уезда мерам, в мае 1916 г. тифозные больные и в больницах, и среди лечившихся дома постепенно стали поправляться. Интерес вызывает выявленный, а затем признанный ошибочным случай сыпного тифа у работницы бумажной фабрики наследников Печаткина. 21 мая пристав III стана рапортовал о заболевании в Красном Селе Ольги Арсентьевой Михайловой. Это подтвердила 23 мая и телеграмма полковнику С. Н. Вильчковскому и Земскому управлению: медиками в земском заразном бараке был констатирован у нее сыпной тиф. Однако после Постановления врачебного отделения Петроградского губернского правления МВД 27 мая № 2923 рапорт в ответ был составлен карандашом: об отсутствии и сыпного тифа, и самой Ольги Михайловой среди работников фабрики [1, л. 157–160]. В отличие от

вышеописанного случая, в окрестностях Царского Села в мае 1916 г. стали составлять срочные рапорты по каждому случаю заболевания в двух копиях. Среди поступивших в военный госпиталь в мае было 4 военных — с тифами, 4 ребенка 6 — 14 лет — со скарлатиной (дочь д. ст. сов. Ольга Брандорф лечилась дома) и еще 4 человек — с натуральной оспой после вакцинации и ревакцинации [9, л. 76 — 103]. Крестьян, приехавших из Вологодской, Тверской, Витебской и Ярославской губерний, заболевших оспой, принимали в земской больнице Павловска и дворцовом госпитале Царского Села [1, л. 154 — 155].

К началу лета 1916 г. в трех станах уезда сохранялись те же очаги, но заболеваемость военнопленных в IV стане снизилась до 54 случаев сыпного, 22 брюшного, 7 возвратного тифа [1, л. 166 — 167]. Объединяя данные двух итоговых ведомостей по уезду за май, стоит выделить особый «очаг» кори и оспы в Тосно. При этом всего в уезде корь констатировали за вторую половину мая у 59 человек, и постепенное уменьшение числа заболевших всеми видами тифа: 94 человека с сыпным, 25 — с брюшным, 41 — с возвратным тифом [1, л. 171 — 178]. Однако в итоговых ведомостях по уезду, составленных полицией, нет сведений о холере, случаи которой были зафиксированы медиками. Мероприятия против холеры включали в себя улучшение дезинфекции городских пунктов, площадей, извозчых мест, штрафы до 300 рублей, арест за уклонение до трех месяцев. Однако вопрос водоснабжения в Кузьмино, Глазово, Нов. Деревне, Кр. Слободке, Тярлево, Баболово, Соболево, Аракчеевке, Белозеровке уперся в стоимость магистрали в «5" — 4"» от 50 до 60 рублей за сажень.

По переписке полиции выясняется летняя вспышка скарлатины в детском приюте Латышского благотворительного общества в им. Батово (11 детей от 8 до 12 лет) и дер. Грязная (девять человек) [1, л. 314 — 315]. В дер. Грязная от скарлатины в конце июня 1916 г. скончались шесть детей, один из которых — в семье санитарного врача Евдокимова. Оставшихся в живых больных скарлатиной поместили в лазарет Рождествено под контроль доктора Жаботинской. В итоговой ведомости за июнь 1916 г. в поселениях уезда (в том числе в дер. Грязная, Большево, в Тосно и Батово) отмечено со скарлатиной 40 человек [1, л. 317об.]. При сопоставлении сведений итоговой ведомости за июнь с рапортами полиции можно сделать вывод о постепенно прогрессирующей в уезде цинге. По ведомости второго стана, число заболевших цингой выросло с 48 до 105 человек [1, л. 196 — 197], за июль снизилось до 101 человека. Однако эти данные не вошли в итоговые ведомости по уезду. В ведомостях и рапортах за июль — начало августа 1916 г. отражено наименьшее число больных всеми ранее названными заболеваниями. Рапорт урядника IV стана свидетельствует о спаде эпидемии тифа;

так, например, в Поги к 12 июня благодаря лечению доктора Тимченко поправились 68 военнопленных. В IV стане на 1 июля засвидетельствовано отсутствие заразных больных в частных лечебных заведениях, к 1 сентября — отсутствие больных во всех больницах стана [1, л. 210, 289 — 290об.]. Однако санитарный врач Царского Села отчитался в рапорте за 11 — 21 июля 1916 г. о десяти госпитализированных с дизентерией [9, л. 113].

Стоит отметить, что по ведомости о числе мест в лечебных заведениях к 1 августа в Александровском лазарете Красного креста, лазаретах в Пулково и Самопомощи лечился 81 раненый, 109 мест были свободны [1, л. 310 — 311]. В первичных и итоговых ведомостях за август внесены только несколько случаев тифа, дифтерита, оспы, скарлатины и дизентерии. В начале осени 1916 г. показатели по тифам, оспе, дифтериту и скарлатине оставались на низком уровне (три-пять случаев). Однако во втором стане в сентябре — октябре врачи боролись со вспышками цинги: в сентябре им удалось добиться улучшения у 58 пациентов из 103, но с началом октября заболели еще 78 местных жителей. Общее число заболевших цингой колебалось от 80 до 100 человек в поселениях второго стана. При этом в ведомости других станов и в итоговых таблицах по уезду данные о цинге не внесены. В Царском Селе продолжали бороться с тифом, скарлатиной и оспой, корью, дифтерией.

Данные о ходе эпидемий под влиянием Первой мировой войны ставят и демографические проблемы, которые усугубились уже в 1920 — 1940-е гг.: резкое увеличение смертности, снижение брачности и рождаемости, дисбаланс состава населения по полу и возрасту, ослабление здоровья большей доли населения. Важно выделить несколько проблем, актуальных для взаимодействия власти и медиков, общества: степень доступности и достоверности информации, готовность к взаимодействию и открытому решению проблем, поддержка общественной инициативы и сдерживание паники. Можно обратить внимание на фактор доверия как среди населения к медикам, так и власти — к обществу. Среди факторов быстрого и неконтролируемого распространения эпидемии стоит выделить специфику военной ситуации начала XX в. — усиление миграции в окрестностях дореволюционной столицы, размещение на работах в уездах военнопленных, в городах — беженцев. Контроль полиции за местными жителями был довольно высоким, но за военнопленными и беженцами почти отсутствовал.

Диагностика заболевания основывалась на визуальном осмотре пациента и лабораторных анализах. Изученные материалы отражают стремление медиков направить новейшие изобретения на пользу общества. При этом при поиске истоков эпидемии медики и полиция столкнулись с ошибками и пропуском симптомов своими коллегами при первичных осмотрах.

Борьба с эпидемиями сто лет назад обострила вопрос защиты медиков и помогавших им, обеспечения безопасности их здоровья и здоровья их семьи.

Вся система здравоохранения в Царском-Сельском уезде была одной из лучших на тот период в России. Были представлены лечебные учреждения всех уровней и статуса, но проблемы «гибкости» системы, возможности переоборудования и расширения коек для инфекционных больных осложнялись как финансовым вопросом, так и статусом Царского Села как летней царской резиденции. Борьба с эпидемиями поставила довольно актуальный и сегодня вопрос — как совместить в острой ситуации экстренные меры и решение текущих проблем, усугубленных обострением.

Конфликт интересов

Авторы заявили об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Conflict of interest

Authors declare no conflict of interest.

Соответствие нормам этики

Авторы подтверждают, что соблюдены права людей, принимавших участие в исследовании, включая получение информированного согласия в тех случаях, когда оно необходимо, и правила обращения с животными в случаях их использования в работе. Подробная информация содержится в Правилах для авторов.

Compliance with ethical principles

The authors confirm that they respect the rights of the people participated in the study, including obtaining informed consent when it is necessary, and the rules of treatment of animals when they are used in the study. Author Guidelines contains the detailed information.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дело Царкосельского уездного полицейского управления о заразных заболеваниях // ЦГИА СПб. Ф. 1697. Оп. 1. Д. 104.
2. Дело Тихвинской уездной земской управы об остро-заразных заболеваниях. 01.01.1915–16.11.1915 // ЦГИА СПб. Ф. 1034. Оп. 1. Д. 1264.
3. Журналы заседаний Царкосельской городской санитарно-исполнительной комиссии и различные административные распоряжения о мерах борьбы с заразными заболеваниями. 23.10.1915–6.04.1916 // РГИА. Ф. 487. Оп. 7. Д. 5957.
4. *Гриненко А. Я., Чумичева А. А., Заславский Г. И. и др.* Здравоохранение Петербургской губернии. – СПб., 2004.
5. Дело по медицинскому отчету Санкт-Петербургской губернии за 1910 г. // РГИА. Ф. 1298. Оп. 1. Д. 2754.

Информация об авторе

Орлова Анна Петровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Отечества, Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет им. акад. И. П. Павлова (Санкт-Петербург, Россия), ORCID: 0000-0002-1935-8411.

Information about author

Orlova Anna P., Cand. of Sci. (Hist.), Associate Professor of the Department of National History, Pavlov University (Saint Petersburg, Russia), ORCID: 0000-0002-1935-8411.

6. Россия. Военные уставы и наставления. Положение о военнопленных. – [СПб., 1914].

7. Дело Тихвинской уездной земской управы о работах военнопленных. 15.10.1914–18.04.1917 // ЦГИА СПб. Ф. 1034. Оп. 1. Д. 1222.

8. О прибывших военнопленных австрийцах и германцах // ЦГИА СПб. Ф. 1697. Оп. 1. Д. 191.

9. О заразных заболеваниях людей и животных в г. Царское Село. 16.01.1916–22.12.1916 // РГИА. Ф. 487. Оп. 7. Д. 5958.

10. Сведения о военнопленных. 02.01.1917–04.02.1917 г. // ЦГИА СПб. Ф. 1697. Оп. 1. Д. 150.

11. Сводка сравнительных сведений о численности населения России за 1912–1917 гг. // РГИА. Ф. 1298. Оп. 1 Д. 2840.

12. Ведомость о заразных заболеваниях в январе 1917 г. // ЦГИА СПб. Ф. 1697. Оп. 1. Д. 157.

REFERENCES

1. The file of the Tsarskoselsky district police Department on infectious diseases. Central State Historical Archive of St. Petersburg. F. 1697. Op. 1. D. 104. (In Russ.).
2. The file of the Tikhvin district Zemstvo Council on acute infectious diseases. 01.01.1915–16.11.1915. Central State Historical Archive of St. Petersburg. F. 1034. Op. 1. D. 1264. (In Russ.).
3. Papers of meetings of the Tsarskoye Selo city sanitary and Executive Commission and various administrative orders on measures to combat infectious diseases. 23.10.1915–6.04.1916. Russian State Historic Archive. F. 487. Op. 7. D. 5957. (In Russ.).
4. Grinenko A. Ya., Chumicheva A. A., Zaslavsky G. I., Monakova T. Yu., Popov V. L. Health of the Petersburg province. St. Petersburg, 2004. (In Russ.).
5. The file about the medical report of the St. Petersburg province for 1910. Russian State Historic Archive. F. 1298. Op. 1. D. 2754. (In Russ.).
6. Russia. Military regulations and instructions. Regulations on prisoners of war. St. Petersburg, 1914. (In Russ.).
7. The file of the Tikhvin district Zemstvo Council on the work of prisoners of war. 15.10.1914–18.04.1917. Central State Historical Archive of St. Petersburg. F. 1034. Op. 1. D. 1222. (In Russ.).
8. The file about the Austrians and Germans who arrived as prisoners of war. Central State Historical Archive of St. Petersburg. F. 1697. Op. 1. D. 191. (In Russ.).
9. The file about infectious diseases of people and animals in Tsarskoe Selo. 16.01.1916–22.12.1916. Russian State Historic Archive. F. 487. Op. 7. D. 5958. (In Russ.).
10. Information about prisoners of war. 02.01.1917–04.02.1917. Central State Historical Archive of St. Petersburg. F. 1697. Op. 1. D. 150. (In Russ.).
11. Summary of comparative data on the population of Russia for 1912–1917. Russian State Historic Archive. F. 1298. Op. 1 D. 2840. (In Russ.).
12. Report on infectious diseases in the January 1917. Central State Historical Archive of St. Petersburg. F. 1697. Op. 1. D. 157. (In Russ.).